

ВОСПРОИЗВОДСТВО БЕЗДАРЕЙ И ТЕЛЕГРОБЫ

В. П. Макаренко*

В современной России и большинстве других постсоветских стран растут социальное расслоение, бедность и нищета населения, произвол правоохранительных органов, коррупция чиновничьего и судебного аппарата, дегуманизация общества. Блокированы каналы вертикальной социальной мобильности. По этой причине на месте бывшего СССР возникает кастовое общество: дети банкиров, чиновников, генералов и пр. становятся частью социальной верхушки; простому смертному для улучшения социального статуса надо получить хорошее образование, а это нереально для 95 % населения. СМИ пропагандируют насилие, эгоизм и аморализм как социальную норму. Власть разворовывает государственную собственность и срослась с криминальным миром. Уничтожается природа, расхищаются природные запасы. Растут наркомания, алкоголизм, детская и подростковая проституция, порнобизнес, социальные болезни. Уничтожается культура, насаждается маскульт, православие, ислам, клерикализм, религиозный обскурантизм, национализм, ущемление прав «некоренного» населения, ксенофобия. Города порождают транспортные проблемы, навязывают консумеризм, манипуляцию сознанием, рост отчуждения между людьми, культурное одичание. Превращение городских центров в деловые кварталы днем и центры развлечений вечером — форма деградации среды обитания. Город возник как военное сооружение и потому по природе агрессивен и тоталитарен. Городское пространство жизни стало пространством подавления. Мертвые города превращают людей в бездушные бизнес-машины.¹

---

*Макаренко Виктор Павлович, доктор философских и политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины, зав. кафедрой политической теории Южного федерального университета.

¹См.: Тарасов А. Революция не всерьез. Ультра.Культура, Екатеринбург, 2005. С. 417–419, 449–457.

Как изучать эти процессы? На 3-м Всероссийском философском конгрессе (2002 г.) проходил «круглый стол», посвященный творчеству М. К. Петрова. В докладе я выдвинул тезис: Петров — ученый мирового ранга. Отношение к его наследству предполагает анализ множества проблем, которые входят в состав истории и теории науки, общей социологии, социологии науки, социологии организаций и социологии образования, политической философии, философии и методологии науки, исторической и философской антропологии, философии религии и религиоведения, истории и теории философии, религиозно-мировоззренческой компаративистики. Каждую его концепцию можно развернуть в научно-исследовательскую программу, конкурентноспособную на мировом рынке идей. Разработка наследства Петрова непосредственно связана с фундаментальными проблемами современности.

После конгресса моя идея постепенно реализуется. Уже существуют трактовки Петрова как культуролога, исследователя проблемы творчества, философа и социолога науки, политического философа, регионоведа и даже как великого продолжателя идеи особой миссии России². Каждое направление анализа порождает специфические проблемы. Например, трактовка Петрова как культуролога предполагает выявление отличия его теории культуры от гегелевской концепции, концепций культуры как диалога, сакральной семиотики, бинарных оппозиций и критики этих популярных «ходов мысли»³. Поэтому сама реконструкция идей Петрова вписывает

²См.: Неретина С. С. Михаил Константинович Петров. Жизнь и творчество. М., УРСС, 1999; Дубровин В. Н., Тищенко Ю. Р. Судьба философа в интерьере эпохи // М. К. Петров. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996; Дубровин В. Н., Тищенко Ю. Р. М. К. Петров — философ и социолог науки // М. К. Петров. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М., РОССПЭН, 2006; Константинов М. С. Институциональный подход в политической философии М. К. Петрова. Автореф. дисс. канд. полит. наук. Ростов-н/Д, 2006; Дубровин В. Н., Ерыгин А. Н., Тищенко Ю. Р. Культура и философия, наука и образование: теоретико-методологические новации М. К. Петрова // М. К. Петров. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике. Ростов-н/Д, Изд. СКНЦ ВШ, 2003; Маслин М. А. О единстве русской философии // <http://rchgi.spb.ru/seminars/seminar-10.htm>; Щедровицкий П. Г. Русский мир: восстановление контекста // <http://www.povestka.ru/shkr/text/18.stm>.

³См.: Макаренко В. П. Социокультурный фон исследований М. К. Петрова: проблема освоения и разработки // Практическая философия. Киев, изд. «Центр практической философии», 2005, № 2;

их в контекст современных мировоззренческих и политических дискуссий. Задача данной статьи — расширить пространство полемики.

В частности, петербургские ученые использовали концепты Петрова для создания капитального труда по социальной истории науки и описания национальных моделей связи науки с религией и государством.⁴ Ранее я рассмотрел наиболее важные результаты анализа английской, французской и российско/советской модели взаимосвязи науки и государства.⁵ Теперь выскажу несколько свежих соображений, свидетельствующих о пророческом даре моего Учителя.

Научно-техническая контрреволюция. М. К. Петров сформулировал идею о *несовместимости* социальных структур, науки и государства. Традиционное общество не принимает инноваций, если они разрушают существующие технологии. В современных обществах появление любой новой научной связи между частями социального организма отрицает наличную определенность. Социальные структуры — это противоречивые, неустойчивые, неповторимые моменты определенности. Надо изучать центробежные силы, которые вызывают движение социальной неопределенности, и критически оценить субстрат этого движения. Функция науки — *генерирование нестабильности во все элементы социальной структуры*. Однако современное общество воспитывает человека в традиции нерассуждающего уважения к должности: «Бессмертная социальная структура мыслится „социоценозом“, штатным расписанием бессмертных должностей, а свобода человека становится в этом случае осознанной необходимостью выбора одной из наличных должностей, сознательного уподобления-соответствия должности».⁶ Отсюда вытекает необходимость критики государства: оно финансирует науку,

---

http://anthropology.ru/ru/texts/makarenko_vp/modphil02_42.html. Такая критика уже идет. См.: Райан В. Ф. Баян в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России. М., Новое литературное обозрение, 2006, с. 16–18.

⁴См.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. Редактор-составитель Э. И. Колчинский. СПб., «Дмитрий Буланин», 2003.

⁵См. об этом подробно: Макаренко В. П. Наука и власть: контекст социальной истории науки // Логос. 2005, № 6; Этатизация науки: советский опыт // Правоведение. Научные доклады высшей школы. 2006, № 2.

⁶Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1992, С. 207.

а с нею и нестабильность, и потому стало «орудием организованной дезорганизации», с которой само борется.

Петров обосновал следующие постулаты модели нестабильности: отрицание стабильности и стихийных проявлений нестабильности; учет революционного характера социально-экономических трансформаций; объяснение смысла и генезиса научного мышления. Одновременно он предсказывал: «Чтобы раз и навсегда избавиться от нестабильности, достаточно сократить финансирование науки и подготовку кадров. К тому же результату может привести и требование тесной связи с производством, участия науки в рационализации существующих технологий. В современном мире оба направления были бы формами самоубийства по неведению».⁷ Кратко рассмотрим предпосылки добровольного суицида.

На протяжении 1990-х гг. стало типичным мнение: реформы поставили науку в России (и в других постсоветских странах) в тяжелое положение. Петров ставил вопрос совсем иначе. Наука — это глобальное когнитивно-социальное предприятие взрослых людей. В нем заняты люди любых наций на основе образовательного ценза. Но в конце XX в. полтора десятка стран (четверть населения земли) дают 95 % мирового научного продукта. Одновременно научные сообщества всех стран обладают монополией на подготовку учебников и преподавателей для систем образования. Отсюда вытекает множество острых проблем, систематически описанных Петровым 40 лет назад, но не решенных до сих пор ни одной страной мира.⁸

Конфликт наследственной профессии и научной дисциплины. Наследственная профессия транслирует деревенский (общинный) способ социального устройства, при котором основным каналом трансляции являются семья и семейный контакт поколений. Этот канал несовместим с научной формой познания мира. По причине живучести традиции наука пока не победила наследственный профессионализм. При его сохранении наука невозможна. Культурная несовместимость — это мера влияния наследственного профессионализма на научную деятельность.

Трансляция религии (теологии) посредством науки. Никейский собор в 325 г. запретил иерархическую интерпретацию бога, но не за-

⁷Петров М. К. Цит. соч. С. 209.

⁸См.: Петров М. К. Социально-культурные основания развития современной науки. М., 1992.

претил прорастания принципа иерархии в другие области. Целибат исключил семью из воспроизводства знания, создал модель грамотности, текста и отношение «учитель-ученик». Но Бог-отец в этой схеме оставался абсолют. Поэтому ряд элементов научной деятельности (вера в абсолют, авторитет, порядок, неисчерпаемость нового, запрет противоречия) транслируют элементы теологии (иерархия-импето-инерция-взаимодействие, внешнее управление-свойство, личное божественное участие-предопределение-вечность-законы природы). Эти идеи сыграли особую роль в появлении науки. Но ради создания «истинно» христианской церкви, философии, науки, образования, государства разрушали иерархию. Поэтому идея о «правильности» мышления по единому образцу — духовный провинциализм. Его берут на вооружение любители поговорить о достоинствах и недостатках рас и наций. Установка на исключение вариантности мышления порождает множество форм знакового фетишизма — от фигуры бога через построения по комплексу Архимеда до утопий и антиутопий, которые транслируют идею «естественной социальности» муравейника (роя). На деле человек — это социализированная муха и таракан.

Наиболее острая проблема — *привязка научной деятельности к конкретному времени и обстоятельствам*. Для критики этого феномена Петров провел жесткое различие между наукой и паранаукой. Паранаука порождает и транслирует следующие барьеры познания: государственные органы по управлению наукой и образованием, ученые советы, редакции, институты научной информации, официальные собрания, совещания, обсуждения, митинги, СМИ. Все они работают на уровне компетенции выпускников школы. Занимаются рутинным распределением ассигнований на науку. Ищут среди членов научного сообщества потенциальных авторов учебников. Убеждены в том, что истину можно и нужно голосовать. Но уровень компетентности общего собрания АН и прочих официальных структур не выше уровня любой группы взрослых, не имеющих никакого отношения к науке. Деятельность указанных структур — чистый произвол. Он воплощает атрибут всеведения и является реликтом теологии.

Представление о личности (инстанции), обладающей атрибутами всеведения, всемогущества, всеблагости. Наука как высший автори-

тет сохраняет все атрибуты бога, является реальным, действенным, актуальным, развивающимся во времени агентом-феноменом универсальной глобальной науки.

Научный знаковый фетишизм как результат стремления к абсолюту всеведения. На этот фетишизм накладываются все языки (около 3 тысяч). По ходу ментального движения в мире национальных знаковых систем взрослеющие индивиды получают образование. Они убеждены, что умнеют и приближаются к абсолюту всеведения. Однако все знаковые реалии научного знания не обладают способностью к само-движению, изменению, развитию, сознанию, рефлексии, определению, выражению и т. д. А любая группа сверстников разобщена, идет в разные стороны сообразно с действующей социальной номенклатурой взрослой деятельности.

Система образования как способ контроля духовной и культурной жизни общества. Через учебники происходит обожествление и фетишизация Истории, Логики, Природы, Реальности, Государства, Нации и т. д. Этим понятиям приписываются свойства бога или независимой от человека закономерности. Учебники воплощают ментальную ограниченность человека как естественного, социального, разумного существа. Решения об их издании (переиздании) принимаются под давлением множества рациональных и иррациональных факторов.

Укрепление репродуктивных структур. Основной поток научного продукта не направляется прямо на предмет приложений (технология, управление, организация, медицина, оборона). Через систему образования новое знание направляется на сохранение и воспроизводство репродуктивных структур. Они противостоят непредсказуемому миру свободной миграции, коммуникации и концентрации таланта в мире открытий и проблем.

Активность ученого побуждается набором человеческих страстей, стремлений, склонностей и предпочтений. В научном сообществе существуют роли исследователя, преподавателя, администратора, привратника. Исследователь — центральная фигура науки, поскольку отвечает за рост научного знания. Героями науки становятся по способности быть исследователем. Отличие науки от других областей деятельности — акцент на продуктивность. Она измеряется числом опубликованных работ и интенсивностью их цитирования в

более поздних публикациях. На деле новобранцы науки движутся по иерархиям чинов, степеней и званий в соответствии со стажем работы и другими ненаучными критериями.

Тезаурусно-динамический коллективизм отличается непреднамеренностью, отсутствием организации и стремления к изоляции. Но в формальных академических структурах государства редко возможен тезаурусно-динамический коллективизм. Поэтому они перестают быть научными.

В XX в. господствовала и до сих пор преобладает экстенсивная модель онаучивания общества, которая сформировала несколько угроз: стремление ликвидировать науку как наднациональный феномен ради краткосрочных выгод; моноглолизм; протекционизм; научный шпионаж и секретность; лишение новобранцев науки доступа к интернациональному потоку публикаций; вытеснение из системы всеобщего образования классических (греческий, латынь) и четырех великих языков науки (английский, русский, немецкий, французский); насаждение учебников в школьные и вузовские программы. В итоге возникла глобальная опасность ментального распада человечества. В учебниках постоянно снижается представительство глобальной науки. В школе и вузе законодателями мод стали бездари. Ленивые и тихиходы воспитывают характер будущих взрослых. Ментальная лень стала нормой жизни. Способность мыслить превращается из радостной нормы человеческого существования в беспросветную муку. Бездари стали влиятельной социальной группой, определяющей темп академического движения и стиль жизни в обществе. Это совпадает с влиянием алкоголизма и наркомании на социальную жизнь.

Государство предпочитает местный патриотизм глобальному космополитизму и усиливает все перечисленные свойства. Деятельность политико-административных инстанций всех развитых стран не зависит от глобального феномена науки и теоретических соображений. Она зависит от эмпирически сложившейся традиции сопряжения естественного взросления индивидов с академическим их движением в терминах взрослой деятельности.

В результате действия указанных социально-политических и религиозно-научных феноменов потерял единый мир открытий, наука разведена по национальным и региональным клеткам. Все пере-

численные феномены теоретически несостоятельны. Государства — главные агенты научно-технической контрреволюции, поскольку заставляют науку обслуживать свои цели и защищают общество от ее обновляющего воздействия.⁹

Указанные тенденции создают сильнейшую инерцию и самоубийственны для человечества. Более столетия наука подпиливает сук, на котором сидит. Глобальный феномен науки рано или поздно исчезнет по причине моноглобализма и уступит место множеству национальных и региональных «поднаук». В условиях срыва взаимопонимания между поколениями онаученных взрослых примерно 50 лет придется идти в параакадемическом вакууме, без права и возможности обратиться за разъяснением трудных мест к первому встречному старшему.

Все перечисленные явления и тенденции Петров называл формами подавления мысли. Его идеи развиваются целыми направлениями философско-теоретической и социологической мысли и подтверждаются конкретными исследованиями. Покажу это лишь на одном примере.

Формы подавления мысли и закон Жданова. Сорок лет назад Петров писал: прежние формы подавления мысли носили очаговый или канализирующий характер. Под угрозой крупных неприятностей запрещалось публично размышлять над «решенными» вопросами. Но другие области способствовали сохранению сложившихся отношений или казались свободной игрой ума. В них можно было проявлять чудеса изобретательности и теоретической изворотливости. «Подобные подходы скорее формировали и уродовали мысль, но *никогда по существу не преследовали задачу уничтожения мысли как таковой* (курсив мой, В. М.). Никто не решился бы открыто провозгласить курс на уничтожение мысли и в наше время, но ряд стихийно складывающихся и быстро развивающихся форм дренажа мысли не оставляют сомнения в общей направленности процесса. Нетрудно подсчитать, например, что если ресурс творческой жизни

---

⁹См.: Петров М. К. Научно-техническая революция и философия // Петров М. К. Историко-философские исследования. М., РОССПЭН, 1996, С. 20–62; Макаренко В. П. Научно-техническая контрреволюция: актуальность идей М. К. Петрова // Вестник МГУ. Социология и политология. 2007, № 2.

человека 100000 часов (40 лет по 8 часов в день), то в стране, имеющей 50 млн. телезрителей, часовая передача равносильна духовной стерилизации 500 мыслящих граждан. Такое электронное облучение творческого потенциала не только не уступает по эффективности атомной бомбе, но и много „грязнее“: убивает стремление к книге — единственному средству выхода не передний край познания. А кроме телевидения есть еще кино, радио и десятки других менее значительных, но не менее верных способов „убить время“ и парализовать мысль... Если подсчитать прямой и косвенный кумулятивный эффект всех таких средств, цифры получились бы страшными уже сегодня. Но дело не в страшных цифрах, а в опасности скрытой за ними тенденции. Если смысл человеческой жизни во временном исполнении социальной должности, в воспроизведении бессмертной социальной структуры через смертных „и. о.“, то уже теперь такая жизнь становится самообманом, бессмыслицей, а в скором времени и вообще потеряет смысл».¹⁰

Из этого отрывка вытекает программа исследований современных форм подавления мысли, в основе которой лежит допущение об исходной советской глупости населения постсоветских стран. Речь идет о систематическом сопоставлении всех аспектов оглупления, которые культивировала советская система образования и СМИ и которые транслируются до сих пор.¹¹ Например, сегодня контингент телезрителей стал главным критерием существования российского общества.¹² Если соединить результаты социологических исследований с метафорой Петрова, то 50–60 % жителей России ежедневно сидят у *телегробов*. Но глупость всегда была интернациональной. Французы тоже ушли недалеко. 30 лет спустя после Петрова выдающийся французский социолог П. Бурдьё описал современное телекладбище. ТВ подвергает опасности все сферы культурного производства

¹⁰Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1992, С. 209–210.

¹¹Социологически-конкретное обоснование этого положения содержится в капитальном исследовании: Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2). М., Прогресс-Традиция, 2006.

¹²См.: Гудков Л., Дубин Б. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // НЛЮ. 2005, № 4/74, С. 166–202.

(искусство, литературу, науку, философию, право), политическую жизнь и демократию. Оно превратилось в средство символической агрессии, «... которая реализуется благодаря молчаливому согласию тех, кто ее на себе испытывает, а также тех, кто ее оказывает, при условии, что и первые и последние не отдают себе отчета в том, что они ее испытывают или оказывают».¹³ Ксенофобия и национализм связаны с эксплуатацией страстей, которые предоставляют системы образования и СМИ.

Бурдые предлагает создать социальную историю СМИ на основе анализа *невидимых структур* телевидения. Но на этом пути стоят преграды. Формально политическая цензура отменена. На деле доступ на ТВ связан с *невидимой цензурой* — следствием следующих феноменов: коррумпированности отдельных журналистов; структурной коррупции ТВ в целом на уровне конкурентной борьбы за рынок; склонности журналистов к политическому конформизму; потери независимости участниками телепередачи, поскольку сюжет разговора определяют другие. Поэтому Бурдые предлагает анализировать журналистов «как насекомых, наколотых на булавку».

ТВ формирует сознание большей части населения. Потребители информации делятся на три слоя: читатели серьезных газет (но газеты становятся все глупее по мере влияния ТВ); те, у кого есть доступ к международным изданиям и радиостанциям; те, у кого нет политического багажа, поскольку они смотрят телеинформацию. Хроника происшествий — это развлекающе-отвлекающие факты и события. Они никого не шокируют, за ними ничего не стоит, они не разделяют на враждующие стороны и вызывают всеобщий консенсус. Они способны заинтересовать всех, не затрагивая важных тем. События хроники происшествий — это элементарная информация. Ее значение велико, поскольку она интересует всех, не вызывая последствий. Она занимает эфирное время, которое можно использовать для того, чтобы сказать другое.

Отсюда вытекает роль ТВ — *скрывать, показывая*. ТВ обычно показывает не то, что надо показать; то, что надо показать, но так, что показываемые факты теряют всякое значение; показывает события таким образом, что они приобретают смысл, не соответствующий

---

¹³Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002, С. 29–30.

щий действительности. В основе журналистского выбора фактов — поиск сенсаций и зрелищ. Журналисты предпочитают показывать пожары, наводнения, убийства, хронику происшествий. Их стремление сделать свое ведет к тому, что все делают одно и то же.

Политическая опасность ТВ состоит в производстве эффектов реальности и мобилизации, создавая идеи, представления и реальные социальные группы. Даже простой репортаж, изложение записанных фактов подразумевает стоящее за ним социальное конструирование реальности. Оно может производить эффект политической мобилизации (или демобилизации). ТВ определяет доступ к социальной и политической жизни. Способность навязать другим свои принципы видения мира, надеть на них свои «очки», стала условием политической борьбы. ТВ не обеспечивает *круговорот информации*. Чтобы знать, что сказать, надо знать, что сказали другие. То, что делается из-за оглядки на конкурентов, принимается за соответствие желаниям клиентов. В итоге возникает эффект закрытости и цензуры.

В СМИ царит «рейтинговый менталитет». Рейтинг есть санкция со стороны рынка и экономики, т. е. внешнего, чисто коммерческого порядка. Но еще 30 лет назад немедленный коммерческий успех считался подозрительным: в нем видели проявление компромисса по отношению к веку и деньгам. Все творческие произведения в области гуманитарных наук, математики, поэзии, литературы, философии были созданы вопреки рейтингу и коммерческой логике.

Давление журналистов друг на друга ведет к тому, что ТВ вызывает последствия, проявляющиеся в выборе, отсутствии и присутствии сюжетов. ТВ — неблагоприятная среда для выражения мыслей. Журналисты мыслят готовыми идеями и подбирают себе таких же собеседников. Не ищут тех, кому есть что сказать. Обмен банальностями есть коммуникация, единственным содержанием которой является сам факт общения. «В отличие от общих мест, мысль по определению является подрывной: она начинается с разрушения готовых идей, а затем должна привести доказательства».¹⁴

Для определения *меры истинности* теледебатов надо учитывать: подсознание телеведущих;¹⁵ телеведущий сковывает свободу

¹⁴Бурдые П. Цит. соч. С. 45.

¹⁵Журналисты по причине своих категорий мысли задают вопросы, не имеющие никакого смысла; поэтому приглашенные вынуждены отвечать на вопросы, которые нет смысла даже ставить.

выступающих, устанавливая правила игры и не помогая тем, кто испытывает затруднения; состав студии есть результат невидимой работы; сценарии не оставляют места для импровизации; логику (негласные правила) языковой игры; сообщничество журналистов, которые считают «хорошими клиентами» специалистов одноразовой мысли. Поэтому все теледебаты Бурдые называет истинно ложными или ложно истинными.

Отсюда вытекает общая характеристика ТВ: оно связано по рукам и ногам и почти не имеет независимости. ТВ довело до крайности противоречие всех сфер культурного производства: между социально-экономическими условиями, необходимыми для создания некоммерческих произведений, и социальными условиями распространения произведений, созданных в этих условиях. Журналисты разделились на две группы: защитников независимых ценностей и свободы в отношении коммерческой выгоды, спроса и приказов начальства; теми, кто подчиняется и вознаграждается. Но трения между данными группами не доходят до публичного выражения на экране ТВ: «Журналистика — одна из профессий, где встречается наибольшее количество беспокойных, неудовлетворенных, встающих против несправедливости или цинично смирившихся людей. . . Телевидение — это мир, создающий впечатление, что социальные агенты, обладающие всеми видимыми признаками значимости, свободы, независимости, иногда даже невероятной ауры . . . на деле являются марионетками необходимости, которую нужно описать, структуры, которую необходимо выявить и выставить на всеобщее обозрение».¹⁶

Общая структура *телеполя* определяет ситуацию на разных каналах. Форма конкуренции определяется силовыми отношениями — доля рынка различных каналов, авторитет у заказчиков, наличие престижных журналистов и т. д. Свобода журналиста зависит от позиции органа информации, в котором он работает, и его положения в редакции газеты или телеканала. В 1950-е гг. телевизионщики зависели от финансовой помощи государства и были менее могущественны. Сегодня ТВ стремится к экономическому и символическому господству в журналистском поле. Ситуация на первом канале ТВ объясняется конкуренцией с другими каналами. Параллельно развивается конфликт между газетами, предлагающими news и views.

¹⁶Бурдые П. Цит. соч. С. 55.

ТВ поставило культурный мир в ужасное положение. Рядом с ним желтая пресса — пустяки. На основе ТВ возникло правило: чем больше то или иное СМИ стремится завоевать широкую публику, тем больше оно не должно никого шокировать и не поднимать проблем кроме тех, что не вызывают последствий. Чем больше газета увеличивает тираж, тем больше она дает места беспроblemным сюжетам. Поэтому коллективная деятельность журналистов стремится к однообразию, банализации, конформизму, деполитизации. Возникает анонимный субъект. Теленовости устраивают всех, подтверждают известные вещи и оставляет без изменения ментальные структуры.

Обычные революции затрагивают материальные основы общества. Символические революции осуществляются творческой интеллигенцией, учеными, великими религиозными и политическими пророками: «Такие революции затрагивают ментальные структуры, т. е. изменяют наше видение и мышление. . . Телевидение даже не пытается сделать что-нибудь в этом роде. Оно полностью соответствует ментальным структурам телезрителей».¹⁷ То же самое относится к искусству и литературе. Самые популярные литературные передачи служат укреплению уже сложившихся ценностей конформизма, академизма, рыночной конъюнктуры.

Социальное значение журналистов связано с их фактической монополией на средства производства и распространения информации и доступ к публичному пространству. Это объясняет их устойчивый *антиинтеллектуализм*. Они навязывают свои принципы видения мира, проблематику и точку зрения всему обществу. Другое следствие увеличения веса телевидения — переход от политики культурного воздействия к *спонтанной демагогии*: «Телевидение девяностых . . . предлагает телезрителям примитивную духовную пищу, образцом которой являются ток-шоу, биографические исповеди и телевизионные игры».¹⁸ В целом педагогико-патерналистское телевидение прошлого, популистская спонтанность и демагогическое подчинение вкусам толпы противоречит демократическому использованию СМИ.

Большая часть «научных высказываний» о ТВ есть повторение того, что говорят о нем сами телевизионщики. Проблемы и сюжеты все больше определяются телевидением. Среди журналистов наблю-

¹⁷Бурдые П. Цит. соч. С. 63.

¹⁸Там же. С. 66.

дается тенденция навязывать такое представление об информации, которое типично для желтой прессы. Телеканалы все чаще прибегают к ее старым приемам. Существует особая категория высокооплачиваемых журналистов. Они бессовестно потакают наименее взыскательной публике. Циничны и глухи к любым ценностям и политическим проблемам. Стремятся навязать свои ценности, стиль жизни и речи, человеческий идеал остальным журналистам. Показывают бессодержательные и ритуализированные аспекты политической жизни (визиты лидеров иностранных государств, визиты глав государств за рубежом, их бесконечные речи и пр.), катастрофы, происшествия, пожары — все то, что вызывает любопытство и не требует наличия особой политической компетенции.

Хроника происшествий создает эффект политической пустоты, деполитизирует и сводит мировую жизнь до уровня анекдота или сплетни. Чтобы придать статус событию и смысл анекдотическому, прибегают к помощи телефилософов, потворствуя самым примитивным страстям. Все ответственные лица являются жертвами «рейтингового менталитета» и на деле ничего не выбирают. Поле журналистики прямо зависит от спроса и подчинено рыночным санкциям и плебисциту даже сильнее, чем политическое поле. Демагогическая логика рейтинга заменяет логику внутренней критики.

Для контроля социальных механизмов и вместо засилья телевидения теоретик должен вырабатывать *инструменты освобождения*. Дело в том, что весь комплекс социально-исторических наук стал объектом двух противоположных способов употребления: циничного — использование своего знания законов функционирования среды для улучшения собственных стратегий; клинического — использование знания социальных законов и тенденций с целью борьбы с ними. Большинство журналистов и социальных ученых цинически используют науку и систему образования для государственных переворотов в интеллектуальном поле. Актуальный мир отличается особым цинизмом на фоне болтовни о совести. На деле совесть эффективна только тогда, когда опирается на структуры и механизмы, заставляющие людей быть лично заинтересованными в соответствии поведения моральным нормам.

Независимость от власти телевидения — необходимое условие научного прогресса. Но в научном сообществе есть коллаборационисты — сообщники власти и журналистов. Чем больше писатели (уче-

ные, философы) признаны среди равных себе и богаты специфическим капиталом, тем более они склонны к сопротивлению. И наоборот: чем больше их привлекает коммерческий аспект, тем более они были склонны сотрудничать с властями. Выбор французских писателей во время оккупации — частное проявление того, что Бурдьё называет законом Жданова: «Чем более независим тот или иной производитель культурной продукции, чем более он богат специфическим капиталом и обращен к узкому рынку, на котором клиентами являются его собственные конкуренты, тем более он склонен к сопротивлению. И наоборот: чем больше он предназначает свою продукцию для широкого рынка, тем больше он склонен сотрудничать с внешней властью: государством, церковью, партией, а в настоящее время — с журналистами и телевидением, и подчиняться их спросу и требованиям».¹⁹

Этот закон описывает современное общество. Научное, политическое и литературное поля находятся под угрозой в результате засилья СМИ. На этих полях пасутся коллаборанты. Они заинтересованы во внешнем признании, которого не имеют в собственном поле. СМИ способствуют установлению извращенной формы прямой демократии, заставляющей забыть о необходимости дистанции по отношению к злобе дня и давлению общественных страстей. Восстанавливают логику мести, борются против которой призваны юридическая и политическая логики.

В целом ТВ противостоит демократическому выражению национального и просвещенного общественного мнения и разума. Критические настроенные мыслители недостаточно ясно представляют себе суть проблемы, а это в немалой степени способствует закреплению описанных механизмов.

Две пропозиции. Петров считал, что есть два абсолюта — младенец и глобальный феномен науки. Биокod младенца — величина постоянная. Она эмануирует человекоразмерность на все исторические события. Пресечение потока младенцев в ядерной катастрофе отменяет человеческую историю и науку. Упразднение глобального феномена науки в законах (инструкциях) государства вернет человечество на донаучный этап истории.

¹⁹Бурдьё П. Цит. соч. С. 82–83.

Смысл жизни человека как естественного, социального и разумного существа — мир знаков и форм общения (языков науки). Главные цели человечества — защита обоих абсолютов от угроз. Генетическая инженерия определяет «талант» как набор врожденных способностей. Но это невозможно без атрибута всеведения, которым никто обладать не может. Главная угроза глобальному феномену науки — прогрессирующий моноглолизм ученых и государственный протекционизм. Большинство осознает баланс блага-зла в пользу блага. При этом зло рассматривается как продукт несовершенства умов и инстанций, которые не свободны от заинтересованности, субъективности и ценностей. Но ни один государственный деятель не имел до сих пор представления о безлаговой модели науки и онаучивания общества: все участники решения проблемы понимают языки друг друга; сразу после публикации узнают о ее появлении и содержании; свободная миграция таланта; рост группы участников решения за счет новобранцев. Эта модель задает абсолютные критерии добра и зла: рост лагов — зло, сокращение — добро.

В целях борьбы с указанными тенденциями Петров предлагал:

Создать нормативный учебник естественных языков для подключения к глобальному феномену науки всех взрослеющих индивидов. Такой учебник — противоядие от линейной психологической установки и связанной с ней склонности к знаковому фетишизму. Страт греко-латинской лексики — это интегрирующее ядро интернационального потока научных публикаций. На четыре языка науки приходится 95–99 % мирового научного продукта. Поэтому их знание — необходимый минимум. Полиглот-для-науки должен знать шесть языков. Каждое описание предметного мира и его отражение в языке теории дает шесть вариантов. Универсальная модель языка-системы постоянно будет учить искусству перевода на родной язык специфики иных ходов мысли. Поэтому надо абстрагироваться от родного языка и не приписывать ему роль медиума.

Создать учебник-терминал — сумму общих сведений о глобальном феномене науки, истории, самоорганизации и самоинституционализации, роли в уподоблении национальных Т-континуумов, интернациональном потоке публикаций и описание переднего края науки. Учредить постоянную службу учебника-терминала на государственном уровне.

В зависимости от способности государства решить указанные проблемы Петров определял *патриотизм* как отказ от экстенсивной и переход на интенсивную модель науки. Страна, которая первой возьмется решать эту задачу, получит преимущество перед всеми остальными. Система образования — это часть приложения результатов для развития и совершенствования врожденных ментальных способностей человечества. Интенсивная модель онаучивания общества нужна ради сохранения и укрепления ментального единства человечества.

П. Бурдые высказывает сходные идеи. Должны ли представители творческой интеллигенции выступать по телевидению? — так ставит вопрос Бурдые. Для некоторых философов и писателей «быть» — значит быть показанным по телевизору. Участник телепередачи тем самым признает, что он пришел «себя показать и других посмотреть», а не сказать что-то важное. Но быть на хорошем счету у журналистов невозможно без самокомпрометации. Участвовать в передачах можно только в той степени, в которой они позволяют «теоретически затронуть всех» и выполнить главную миссию ученых: «Мы являемся . . . „чиновниками человечества“, оплачиваемыми государством за открытия, относящиеся либо к миру природы, либо к миру общества, и мы обязаны донести до всех наши достижения».²⁰

Задачи теоретиков состоят в борьбе по следующим направлениям: любое передовое исследование имеет право на эзотерику (чем сложнее идея по причине производства в независимом универсуме, тем тяжелее она поддается реституции); нужен перевод эзотерического во внешний план в наиболее подходящих условиях; универсализация условий доступа к универсальному; борьба против рейтинга во имя демократии. Подчинение культуры требованиям рейтинга «. . . является точным подобием того, что демагогия опросов общественного мнения представляет собой в отношении политики».²¹

В заключение подчеркну: идеи Петрова–Бурдые о науке, образовании и СМИ надо использовать для анализа образовательного, политического и интеллектуального рынка постсоветских государств.

²⁰Бурдые П. Цит. соч. С. 26–27.

²¹Там же. С. 88.